

Птицы в городе — сегодня прилетают, завтра остаются

Марат Невлютов

Сойдя с обочины шоссе, в какой-то миг
Вдруг видит путник, августовский отпускник,
Какое чудо в воздухе висит
Медитативно у гудронной автострады:
То пустыльги недвижимое порханье.

Айрис Мёрдок. Год птиц

Введение

Большой город по-прежнему остается наиболее точным выражением духа современности не только потому, что растет число городов и их жителей, но также и потому, что городской образ жизни доминирует над другими формами проживания людей и фактически уничтожил любые альтернативы. Планетарная урбанизация, о которой вслед за Анри Лефевром заговорили многие исследователи [Brenner, 2014], распространяет не только специфический образ жизни, но и свойственный большим городам тип социальных отношений. Эти отношения достаточно емко, хоть и несколько упрощенно могут быть описаны как опыт Чужака или «незнакомца», который, по мнению Зигмунта Баумана, представляет собой универсальный опыт современного городского жителя [Bauman, 2019]. Чужак находится в непосредственной физической близости, но социально дистанцирован; он представляет потенциальную угрозу для других, но и сам зачастую оказывается в уязвимом положении. Именно эта дуальность, постоянное балансирование между «вне» и «внутри», делает фигуру Чужака ключевой для понимания современного города.

Но следует помнить, что города населены не только незнакомыми друг с другом людьми. Если воспользоваться инклюзивной классификацией из борхесовской китайской энциклопедии — той самой, на которую ссылается Мишель Фуко, чтобы указать на проблематичность любых таксономий, — то в городе окажутся и бродячие собаки, и прирученные, и сирены, молочные поросята, и сказочные, и те, что издали кажутся мухами, и принадлежащие Императору, и неисчислимы [Фуко, 1994]. Города и те территории, где утвердился городской образ жизни, принадлежат не только людям, но и всему этому сонму существ. Отношение ко многовидовому сообществу со стороны человека — вида, доминирующего и наиболее приспособленного к город-

Невлютов Марат Раилевич, кандидат архитектуры, доцент, Архитектурная школа МАРШ; старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) — филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»; Москва, Российская Федерация.
E-mail: mnevlyutov@gmail.com

Статья предлагает синтез урбанистической теории и гуманитарных исследований животных через ревизию концепции Чужака. Отталкиваясь в первой части от классических социологических интерпретаций Чужака (Георг Зиммель, Роберт Парк, Альфред Шюц) и практик городского наблюдения (преследование, фланирование, дрейф), автор показывает, как дуальность расположения «вне» и «внутри» характеризует отношения, складывающиеся между людьми в мегаполисе. Эта амбивалентность, с одной стороны, порождает равнодушие, страх и ненависть, а с другой — предлагает новые формы внимательности, критического взгляда и доверия. Этот аналитический инструментарий во второй части статьи применяется к нечеловеческим обитателям города — птицам. Рассмотрение различных сюжетов из эссеистики и научных исследований, где птицы предстают в качестве Чужака (от голубя в повести Патрика Зюскинда «Голубка» до малых пингвинов в Сиднейской гавани у Тома Ван Дорена), показывает слабые стороны антропоцентрического взгляда на отношения жителей большого города. Статья вводит в урбанистический дискурс феномены орнитофобии, бердинга и утраты мест обитания, показывая, как взгляды птиц, альтернативные птичьи ритмы и их способность к воспоминанию и воссоединению проблематизируют человеческую исключительность и подводят к необходимости многовидовой этики соседства в городе.

Ключевые слова: чужак; орнитофобия; антропоцентризм; многовидовая этика; утрата мест обитания; Георг Зиммель

Цитирование: Невлютов, М. Р. (2026). Птицы в городе — сегодня прилетают, завтра остаются, *Городские исследования и практики*, 11(2), 14–22. <https://doi.org/10.17323/usps112202614-22>

ским условиям, — часто строится на эксплуатации, угнетении и насилии. Так происходит во многом благодаря тому, что «антропологическая машина» определяет «отсутствующую природу человека» через отличие от Другого — от «животного» [Агамбен, 2012]. В рамках этой логики Чужаком может оказаться не только нечеловеческое животное, но и домашний питомец, человек иной расы и культуры, а в конечном счете — и я сам.

Среди всего многообразия нечеловеческих горожан в этой статье мы предлагаем сфокусироваться на птицах. В отличие от крупных и обычно прирученных животных, невидимых и пугающих насекомых, бесчисленных и чаще всего пассивных растений, именно птиц легче всего увидеть в мегаполисе и быть увиденными ими в ответ. Эта взаимная видимость делает их объектом человеческого внимания гораздо чаще, чем им становятся другие обитатели города. Согласно данным, только в Соединенных Штатах в 2022 году около 96 млн человек активно взаимодействовали с дикими птицами: наблюдали за ними, искали встреч с ними и заботились о них [Devokaitis, 2024]. Люди постоянно вступают с ними в отношения, которые зачастую не поддаются четкой классификации и не сводятся к утилитарным категориям пользы или вреда для человека. Таким образом, птиц можно рассматривать как пример «идеального» Чужака, отношения с которым характеризуются физической близостью при сохранении социальной дистанции. Присутствие птиц в городе становится вызовом для антропоцентрического миропорядка и открывает возможность для формирования многовидовой этики соседства.

Чужаки в городе

Внутреннее и внешнее

Прежде чем перейти к наблюдению за птицами, проанализируем некоторые качества Чужака и опишем их эвристический потенциал для городских исследований. Георг Зиммель определяет Чужака как «потенциального странника», который «сегодня приходит и завтра остается, <...> который хотя и не отправляется дальше, однако не совсем отказался от возможности уйти» [Зиммель, 2008]. Одновременное присутствие в Чужаке дистанции и близости, «вне» и «внутри» характеризует его неустойчивое, уязвимое положение в социальной группе, частью которой он при этом остается. С другой стороны, дуальность Чужака делает его символом множества городских фобий — страхов перед объектами, пространствами и ситуациями, которые кажутся знакомыми, но в определенном свете предстают как совершенно незнакомые. Иллюстрацией этого служит природа пространственных фобий: агорафобия часто артикулируется как страх перед потенциальным прикосновением незнакомца в открытом пространстве, а клаустрофобия может быть связана с ощуще-

нием присутствия в комнате незримого наблюдателя [Видлер, 2025].

Большой город является пространством концентрации Чужаков (внешнее впечатление) и фобий (внутреннее впечатление), что неизбежно ведет к эмоциональной перегрузке. Согласно Зиммелю, большому городу свойственно «усиление нервной жизни, происходящее от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [Зиммель, 2018]. Чтобы справиться с этим напряжением, которое в условиях современного мегаполиса становится перманентным, его житель начинает опираться в своей жизни в большей степени на интеллект, чем на чувства, стремясь тем самым рационализировать непрерывный поток внутренних и внешних впечатлений. Именно в этом смысле «духовная» жизнь в городе подвергается деградации: то, что раньше было поводом для эмоциональной реакции и демонстрации чувств другому, теперь подчиняется холодному рациональному расчету. Это находит свое выражение в полном равнодушии к Другому: «Нет, пожалуй, другого душевного явления, которое было бы так безусловно свойственно именно большому городу, как высокомерное равнодушие, вызванное пресыщенностью» [Зиммель, 2018].

Согласно Зиммелю, высокомерное равнодушие и рациональный расчет — эти защитные реакции на чувственное перенасыщение — порождают недоверие в качестве доминирующей формы социальных отношений в большом городе. Все более отчужденные друг от друга жители в конечном счете становятся Чужаками друг для друга без потенциальной возможности сближения и ассимиляции. Однако — вопреки возможным ожиданиям — это недоверие не приводит к анонимному и комфортному сосуществованию в условиях высокой плотности городского населения. Зиммель указывает, что итогом такой тенденции городской жизни становится борьба: «Внутренней стороной этой внешней замкнутости является не только безразличие, но и — чаще, чем мы отдаем себе в этом отчет, — невысказанное желание избежать контакта, взаимная чуждость и отторжение, которые в тот момент, когда что-нибудь заставит людей тесно соприкоснуться, немедленно перейдут во вспышку ненависти и борьбы» [Зиммель, 2018]. Физическая близость без эмоциональной и социальной неизбежно оборачивается открытым или скрытым конфликтом.

Дуальность фигуры Чужака, порождающая отношения равнодушия, а следом и борьбы, делает ее одной из самых проблемных в современности. Однако именно в этой двойственности обнаруживается и потенциал для новых форм сосуществования в большом городе. В осмыслении этого потенциала важное место занимает концепция «маргинального человека», предложенная интеллектуальным лидером Чикагской школы социологии Робертом Парком и развитая другими участниками этого исследовательского направления. «Маргинальный человек»,

он же Чужак, он же «культурный гибрид», он же «первый космополит», благодаря своей подвижности и мобильности оказывается расположенным между культурами, тем самым освобождаясь от их ограничений. Свобода, однако, вынуждает его в поведении и принятии решений руководствоваться собственным мнением, поддержанным интеллектом. Как замечает Парк, «они становятся в ходе этого процесса не просто эмансипированными, но просвещенными» [Парк, 1998]. Вынужденный осмысливать свое поведение, «маргинальный человек» учится критически оценивать устойчивость и необходимость самих культурных различий.

Однако интеллектуализация не всегда могла защитить Чужака от экзистенциального противостояния между старым и новым «я». Внутреннее смятение и внешняя нестабильность перерастали в перманентный кризис, который в конечном итоге кристаллизовался в особый «личностный тип». Социолог Луис Вирт, младший коллега Парка, видел в становлении этого нового типа личности благоприятную возможность для сосуществования в городе. По его мнению, «соседство дивергентных личностей и образов жизни рождает релятивистскую перспективу и чувство терпимости к различиям» [Вирт, 2005]. Терпимость к различиям становилась возможной благодаря особой «чуткости к внешнему» и фрагментации личности, которая коррелировала с разнообразием городской среды: «Благодаря многообразию интересов, связанных с различными аспектами социальной жизни, индивид становится членом самых разных групп, каждая из которых функционирует лишь в соотношении с одним из сегментов его личности» [Вирт, 2005]. Таким образом, новый фрагментированный личностный тип получал особую способность: открыться внешнему и найти в самом себе часть Другого.

Искусство преследования

Таким образом, большому городу оказывается присущ новый тип личности – фрагментированной, но одновременно предельно восприимчивой к внешнему окружению. Такой горожанин обретает большую свободу в самовыражении и поведении, поскольку перестает безраздельно принадлежать одной культуре и уже не ограничен ее инертностью. Так Зиммель обнаруживает в Чужаке склонность к экстравагантности, внешней причудливости, радикальному, но уже безопасному отличию от Другого. Поскольку социальный контакт с незнакомцем в динамичном городском пространстве краток, то возникает необходимость или «соблазн предъять себя в подчеркнутом, концентрированном, максимально характерном виде» [Зиммель, 2018]. Эта экстравагантность и концентрированность образа совпадали с логикой моды, которая как социальный феномен как раз активно формировалась в эпоху зиммелевского анализа Чужака. Прогуливаясь по городу, модник искал в толпе Другого, чтобы увидеть его

и мгновенно быть увиденным в ответ. Это был способ добавить в кратковременные и рационализированные отношения безопасное количество эмоций и социальной близости.

Рядом с модником располагается другая хорошо знакомая исследователям города фигура – фланер. Как и модник, он – часть толпы, однако противопоставляет ей свою индивидуальность иным способом. В новелле Эдгара Аллана По «Человек толпы» главный герой, оставаясь невидимым наблюдателем, пристально изучает внешнее – пеструю толпу, пытаясь угадать род занятий прохожих и классифицировать их. Его внимание внезапно приковывает старик с невероятно странным, исполненным внутренних противоречий лицом, чью историю он не может прочесть с первого взгляда. Охваченный чувством любопытства, рассказчик начинает преследовать незнакомца и проходит длинный путь по городу. Так и не сумев разгадать его загадку, герой приходит к горькому заключению: «Этот старик – прообраз и воплощение тягчайших преступлений. Он не может остаться наедине с самим собой. Это человек толпы» [По, 1976]. Рассказчик становится одержим стариком, в котором он пытается найти отражение собственной неординарности – и, не найдя его, испытывает глубокое разочарование.

Для фланера фигура Другого становится объектом наблюдения и преследования, а наличие в нем загадки возбуждает чувства и мотивирует двигаться в поисках разгадки. Одновременно с артикуляцией дистанции и разочарования фланер обнаруживает наслаждение в слиянии с толпой. Об этом пишет другой теоретик городской толпы и фланерства Шарль Бодлер: «Бескорыстно любознательный человек, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, с ее суетой, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью» [Бодлер, 1986]. Такая практика наблюдения предполагает парадоксальность расположения фланера по отношению к толпе: он является ее критиком, но при этом слит с ней, одобрен человеку толпы. На это амбивалентное положение бодлеровского фланера указывает и Вальтер Беньямин: «Он позволяет своим отношениям с ней [с толпой] заходить достаточно далеко, чтобы внезапно, одним презрительным взглядом, обратить ее в ничто» [Беньямин, 2015, с. 140]. Такая критика изнутри, своего рода самокритика, означает, что фланер обнаруживает загадку в самой ситуации, а не отправляется на поиски заведомо определенного.

К альтернативной мотивации, несвойственной простой прогулке, обращается теория ситуационистского дрейфа. Ги Дебор пишет, что дрейф «представляет собой свободное движение в сочетании с его необходимой противоположностью – управлением психогеографической динамикой за счет осознания и учета предоставляемых ею возможностей» [Дебор, 2017, с. 20]. В процессе дрейфа между случайностью и выбором возникают противо-

речия, которые разрешаются благодаря рефлексии и вниманию к «возможностям». В предоставленных Дебором отчетах дрейфующие были мотивированы бредом, странностями, совпадениями или узнаванием уже случившихся в прошлом или в воображении ситуаций. Такая прогулка становилась не просто методом городского исследования, но критикой рутинного поведения и потребительского отношения к городу. Цель дрейфа – обнаружить «различные сочетания атмосфер», которые, в свою очередь, «способны вызывать такие же сложные и многообразные чувства» [Дебор, 2017, с. 16]. Дрейф выступает политическим действием сопротивления установленным, рутинным порядкам, он преобразует наблюдателя в активного участника городской жизни.

Модник, фланер, дрейфующий искали взгляда Другого, преследовали человека из толпы, критически оценивали ситуацию. Однако, прежде чем действовать, им всем приходилось ждать – мимолетного выражения лица в толпе, случайной встречи, внезапного озарения. В пьесе Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо» ожидание представлено на первый взгляд пассивной, бессмысленной, абсурдной практикой. Но ожидание, о котором говорит автор, включает в себе и императив возможности: Годо может появиться в любой момент. Кажется, что смысл ожидания возникнет только в момент появления Годо, а само ожидание представляет собой пустую трату времени – простую подготовку к последующему действию. Однако подлинное значение этого состояния раскрывается лишь при условии отказа от определенности расписания, от четких координат пространства и времени. Эту мысль Беккет вкладывает в уста одного из героев, который высказывает раздражение в адрес тех, кто жаждет точного знания: «Вы не перестаете травить меня вашими историями про время? Это неслыханно! Когда! Когда!.. В один прекрасный день мы станем глухими, в один прекрасный день мы родились, в один прекрасный день мы умрем» [Беккет, 2010]. Такая практика ожидания видит в Другом ориентир, но оставляет его в принципиальной неопределенности, делая сам процесс ожидания главным событием.

Невозможное возвращение

Неопределенность ожидаемого, его принципиальная расположенность вне координат времени и пространства наиболее ярко воплощаются в фигуре возвращающегося домой. Альфред Шюц в эссе «Возвращающийся домой» указывает, что путешественники, эмигранты, ветераны войн проделывают обратный путь в надежде увидеть свой дом неизменным – таким, каким они его помнят. Однако дом обнаруживает свое «непривычное лицо». При этом для домочадцев сам возвращающийся также оказывается Чужаком, представая перед ними в незнакомом обличье. Если «маргинальный человек» Парка готов к неопределенности, то возвращающийся на-

деется встретить знакомое и привычное. Как пишет Шюц, ключевое отличие в том, что «ищущий близости чужой должен более или менее формальным образом предвосхитить то, что он обнаружит, вернувшись же должен всего лишь обратиться к воспоминаниям прошлого» [Шюц, 2003]. Именно поэтому ожидания возвращающегося оказываются иллюзией, плодом воображения. Ждать чего-то и не получить – вот тот важнейший и трагический урок, который должен усвоить Одиссей, вступая на порог родного дома в надежде на покой и умиротворение. Возвращение домой оказывается не возвращением к привычному, а встречей с невозможностью такого возвращения.

Шюц описывает дом как «нулевую точку системы координат» – место, откуда человек начинает свой путь и куда стремится вернуться. Однако в действительности этот дом оказывается не реальной отправной и конечной точкой, а скорее воображаемым конструктом, проекцией «тоски по дому». Подобно образу любимого человека в сознании разлученного с ним, дом утрачивает свою целостность. Он расщепляется на актуальность и воспоминание, между которыми уже невозможно установить корреляцию: «Личность Другого более недоступна как единство; она разбилась на части. Не существует больше тотального переживания любимого человека, его жестов, его манеры ходить, говорить и слушать; остаются только воспоминания, фотографии, рукописные строки» [Шюц, 2003]. Именно это представление о целостности – и дома, и личности Другого – становится для возвращающегося ключевым и самым сильным эмоциональным мотивом его поисков и ожидания. Однако тоска по дому неизбежно впадает в парадокс, присущий всякой ностальгии. Как отмечает Энтони Видлер, ее суть состоит в «осознании того, что, несмотря на тоску по конкретному месту и времени, объект желания не там и не здесь, не присутствует и не отсутствует, сейчас или тогда» [Видлер, 2025, с. 111].

Другой известный феноменолог, Гастон Башляр, также обращается к теме дома как к ключевому пространственному образу целостности, приобретающему особую значимость для жителя мегаполиса. Дом у Башляра является воображаемым – вернуться в «страну незыблемого детства» можно лишь в собственных грезах, тогда как в реальности он остается принципиально недостижимым. И тем не менее грезить о доме необходимо, полагает Башляр, но для этого нужна особая установка – доверие. Здесь впервые возникает фигура птицы, который феноменолог приводит в качестве примера такого безосновательного доверия: «Разве птица свила бы гнездо, если бы у нее не было инстинктивного доверия к окружающему миру? Если мы слышим этот сигнал, если такое хрупкое сооружение, как гнездо, представляется нам надежнейшим из убежищ – парадокс, конечно, но такова сила нашего окрыленного воображения, – значит, мы возвращаемся к корням, из которых вырос дом мечты» [Башляр, 2020]. Таким об-

разом, дом как целостность становится возможным, если он укоренен не в прошлом и не в будущем, а в пространстве доверия к неопределенности. Такое доверие позволяет воображению конструировать целостность там, где реальность обнаруживает лишь уязвимость.

Для всех рассмотренных разновидностей Чужака — от «маргинального человека» до фигуры «возвращающегося домой» — общей чертой является расположенность между «вне» и «внутри». Именно эта промежуточность делает их уязвимыми, но вместе с тем наделяет свободой, открывая путь к разнообразным городским практикам — от наблюдения и преследования до дрейфа и ожидания. Исторически подобные практики возникли гораздо раньше, однако именно в пространстве большого города они обрели узнаваемые формы. Анализ этих фигур и практик — от зиммелевского Чужака до беккетовского ожидания — позволяет увидеть городскую реальность как непрерывный и двойственный процесс, в котором равнодушие, недоверие, страх и непонимание порождают свои противоположности: открытость, чуткость и доверие. Именно эту концептуальную логику — способность феномена при внимательном рассмотрении обнаруживать свои скрытые, парадоксальные стороны — мы намерены применить к иному, «нечеловеческому» измерению.

Птицы в городе

Голубиный взгляд

Переход к обсуждению птиц представляет собой важный шаг в переосмыслении классических социологических концепций. Он позволит проверить, в какой мере предложенные описательные модели и практики работают за пределами антропоцентрического поля, а также способны ли эти подходы открыть новые способы сосуществования с нечеловеческими животными, которые, являясь полноправными обитателями городов, остаются за рамками традиционного социального анализа. В данном разделе мы обратимся к «птичьим» фигурам, которые до сих пор практически отсутствовали в дискурсивном поле городских исследований. Как и фигуры «человеческие», они возникают в различных типах текстов: художественной литературе, полевых записях и дневниках натуралистов, а также в работах гуманитарных исследований животных и природы. Мы попытаемся придать этим подчас поэтическим образам теоретическую значимость, сопоставимую с той, которую приобрели в городских исследованиях размышления о Чужаке, фланере и возвращающемся домой. Одновременно мы попытаемся выделить в них нечто новое, что проблематизирует и подрывает саму идею человеческой исключительности.

Ярким примером Чужака, нарушающего границу между внешним и внутренним, выступает голубь

из повести Патрика Зюскинда «Голубка» (1987). Птица буквально вторгается в интимное пространство, трансформируя безопасный домашний мир героя в чуждую и угрожающую среду. Ионатан Ноэль долгое время находится в поисках уютного места, где он мог бы спокойно и незаметно для внешнего мира прожить свою жизнь. В результате своих длительных поисков он находит небольшую комнату — пространство, «которое защищало бы его от неприятных сюрпризов жизни и из которого его никто бы не мог больше выгнать». Но в один момент на двери в коридоре появляется голубь, который смотрит на героя своим левым глазом: «он (глаз) походил на пуговицу, пришитую к головному оперенью; без ресниц, без бровей, совершенно голый, он был бесстыдно обращен вовне и жутко открыт; но в то же время в нем была какая-то сдержанная закрытость; и все же он не казался ни открытым, ни закрытым, а просто безжизненным, как линза фотоаппарата, поглощающая весь внешний свет и не выпускающая изнутри ни единого луча» [Зюскинд, 2020]. Эта «чудовищная открытость» взгляда делает невозможным прежнее, спокойное и замкнутое на себе существование героя, нарушает его привычный распорядок дня, а вызванная этим паническая реакция оказывается настолько сильной, что доводит его до мыслей о самоубийстве.

Материальное вторжение Чужака оказывается столь же значимым, как и его взгляд: голубь разбросал по коридору перья и помет. Если раньше комната казалась безусловным и надежным убежищем, то теперь герой понимает, что больше никогда не сможет в нее вернуться. Преодолев себя, он отправляется на работу в банк, где во время обеда сталкивается с новым испытанием — видит клошара (фр. *clochard* — нищий, бродяга), испражняющегося у всех на виду. Между этими двумя встречами герой обнаруживает сходство. Как и в случае с голубем, при виде клошара он испытывает отвращение из-за физической близости и полной обозримости интимного, телесного, непристойного. И голубь, и клошар безразличны к собственной уязвимости и открытости для взгляда Другого. Однако герой боится не просто оказаться на их месте — он страшится поймать на себе встречный взгляд, ведь этот взгляд способен разоблачить его собственное отвращение к ним. «Чудовищно открытый» глаз голубя, подобно объективу кинокамеры в фильме Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом», функционирует как зеркало, в котором герой сталкивается с собственным взглядом — и оказывается не в силах справиться с осознанием своей уязвимости.

«Голубка», с одной стороны, демонстрирует уже обозначенные признаки Чужака — социальную отдаленность и физическую близость, — но также добавляет новые аспекты. Орнитофобия героя оказывается не страхом перед птицей как таковой, а страхом перед разоблачающим взглядом Другого. Пугает не столько неопределенность поведения Чужака, сколько определенность и направленность его

взгляда. Голубиный глаз обнаруживает способность пронизывать все на своем пути, разрушая устойчивые границы между внешним и внутренним, опасным и безопасным, человеческим и животным, «я» и Другим. Пронзительность этого взгляда производит на героя гораздо более разрушительный эффект, чем нарушение его физического пространства, а единственным способом укрыться от него видится самоубийство, о котором он помышляет с самого начала. Эмиль Дюркгейм рассматривал самоубийство как социальный феномен, свойственный мегаполисам, и называл одной из причин суицидов желание «избежать воображаемой опасности или позора» [Дюркгейм, 1994]. Самоубийство или агрессия, направленная на самого себя, предстает как радикальный способ избежать позора наготы и абсолютной видимости.

В ожидании сапсана

Встречи с птицами в городе могут носить и менее драматичный характер, не приводящий к подобным экстремальным последствиям. Практика наблюдения за птицами, или бердинг, представляет собой безопасный способ встречи с Чужаком. Подобно фланеру, бердер сливается с природой и отстраненным взглядом стремится в ней отыскать своего «загадочного старика». Однако ключевым в этом занятии становится не слияние и последующая критика, а ожидание птицы, которое предполагает пребывание в состоянии открытости к «неожиданной встрече». Кио Маклир в своей книге «Птицы, искусство, жизнь» (2017) отмечает, что главное, чему должен научиться бердер, — это ждать. Она описывает этот процесс как ожидание без требования взаимности, сродни взгляду влюбленного, который не стремится поймать на себе встречный взгляд, но и не боится быть им обнаруженным: «Если ты надеешься увидеть что-то или кого-то, особенно если они славятся своей неуловимостью, ты научишься ждать так, как ждут набожные верующие или оптимистичные влюбленные» [Маклир, 2020]. Бердинг способен трансформировать зиммелевские равнодушие и ненависть в этическую практику внимания и уважения к Другому.

Подобная практика ожидания дается городскому жителю с трудом. Причина в том, что ритмы городской жизни радикально не совпадают с жизненными ритмами птиц. Писатель Джон Алек Бейкер, автор книги «Сапсан» (1964), стремился преодолеть этот разрыв. Он много лет наблюдал за самыми быстрыми птицами на земле, ожидая встречи с ними и подчиняясь гипнотической силе их движений: «Приятно наблюдать за этими ритмичными уклонениями от атак; вы дышите в такт с соколом; эффект создается гипнотический» [Бейкер, 2025]. В конце концов само повествование текста синхронизируется с ритмом соколиного мира — одно движение сапсана медленно и настойчиво сменяет другое, один простой сюжет спокойно следует за другим. Даже сцены на-

силия не нарушают этого размеренного ритма, органично встраиваясь в открытый, незавершенный нарратив: «Чайка не была к этому готова. Она не увернулась, а только попыталась набрать высоту, бросилась прямо вверх. Сокол схватил ее за грудь и унес на остров. Ее голова свисала и глядела назад» [Бейкер, 2025]. Текст Бейкера становится критикой линейных, навязанных ритмов производства и потребления, которые, по мнению Лефевра, зачастую вступают в конфронтацию с ритмами жизненными, телесными, природными [Lefebvre, 2004].

Такая сонастройка ритмов представляет собой дрейф, однако спровоцированный и поддержанный нечеловеческим существом, которое, находясь вне городского образа жизни и его ритмов, при этом оказывается в физической близости. Однако, в отличие от преследования «человеком толпы», поиск и наблюдение за сапсанами не заканчиваются зеркальным разочарованием. Напротив, настройка на птичьи ритмы позволяет бесконфликтно приблизиться к Другому и, в определенном смысле, стать им, не утрачивая различий. Обнаружение в себе Чужака, своей уязвимости перед взглядом Другого, своей несовершенной и изменчивой природы трансформирует качество направленных друг на друга взглядов — теперь различия не пугают, но успокаивают и примиряют. Завершая свою погоню за сапсаном, Бейкер пишет: «Его огромные глаза встречаются с моими. <...> Расстояние движется по смутным очертаниям вязов, и подступает ближе, и сгущается за спиной темного сокола. Теперь я знаю, что он не улетит. Я перелезаю через дамбу и встаю перед ним. А он спит» [Бейкер, 2025].

Искусство наблюдения за птицами может показаться простым развлечением для скукающих городских жителей, которое можно заменить другими прогулками по разнообразным городским ландшафтам. Однако, как подчеркивает Маклир, бердинг «не приглашает взглянуть на природный мир сентиментальными глазами или увильнуть от активной гражданской позиции <...> бердинг часто — полная противоположность сентиментам и аполитичности» [Маклир, 2020]. Бейкер ведет свой дневник не только из личного интереса, но и в надежде спасти сапсанов от вымирания, а также чтобы зафиксировать ускользающие воспоминания об исчезающей птице. Его тексты пронизаны любовью и состраданием: «Многие сапсаны умирают, лежа навзничь, иссохшие и сожженные отвратительной коварной пылью сельскохозяйственных химикатов. В предсмертных судорогах они отчаянно цепляются за небо» [Бейкер, 2025]. Тем самым автор включается в политическую борьбу, сопротивляясь исчезновению вида. Однако главным героем в его повествовании становится сам ландшафт бердинга — место обитания сапсана. Писатель убежден: чтобы снова встретиться с птицей взглядом, чтобы ожидание не оказалось напрасным, необходимо сохранить береговую линию Эссекса, от Шоберинесса до Хариджа, — иными словами, уберечь сам дом сапсана.

Утраченный дом пингвинов

Наблюдение за птицей невозможно без места, куда она могла бы вернуться, где могла бы построить гнездо. Одни виды приспособились к суровой жизни в городах и чувствуют там себя как дома, другие сталкиваются с разочарованием — подобно ветеранам, вернувшимся с войны, они не находят дом таким, каким его покинули. В своей книге «Пути полета» (2014) в главе «Городские пингвины: истории потерянных мест» Том Ван Дорен рассказывает историю утраты дома и невозможности возвращения. Узкая полоса скалистого берега в Мэнли, прямо в устье Сиднейской гавани, активно застраивается жилыми домами, а малые пингвины (*Eudyptula minor*), которые раньше здесь строили свои гнезда, оказались не к месту. Автор выражает трагедию утраты при помощи яркого образа: «Меня не отпускает один образ, одновременно завораживающий и тревожный, и эта глава — мой отклик на него. Это образ пингвина, который возвращается к своей норе, к месту, где он выводил птенцов, но этого места больше нет — оно исчезло или изменилось настолько, что жить там невозможно. Это картина домов и бассейнов, теснящихся на берегу гавани: люди тянутся к “природе”, но своим присутствием делают жизнь пингвинов и прочих обитателей этих вод невозможной» [Van Dooren, 2014].

Малые пингвины связаны особыми отношениями с сушей — с теми немногими участками побережья, куда они ежегодно выходят, чтобы продолжить род. Они пользуются одними и теми же местами для гнездования из поколения в поколение. Однако если часть популяции находит убежище на охраняемой территории национального парка Сидней-Харбор, то другие птицы вынуждены обитать на узкой полоске берега, которая активно застраивается жилыми домами и заселяется людьми, стремящимися к «соединению с природой». Подобное соседство «природы» и «культуры» оказывается для пингвинов губительным: искусственное освещение, шум, ограждения, а также нападения домашних животных и людей ведут к быстрому сокращению популяции. И тем не менее пингвины, сохраняя память о доме, продолжают искать возможность вернуться. Их можно встретить гнездящимися в самых неожиданных местах: в темных и сухих пространствах — под жилыми постройками, сараями, лодками. Такое филопатричное (греч. *philos* — «любящий», *patris* — «родина») поведение указывает на то, что пингвины обитают в своих собственных, наполненных смыслами и «легендами» мирах. А наша, как заключает Ван Дорен, «неспособность или нежелание признать связь пингвинов с конкретными местами как значимую и жизненно важную позволяет нам беспечно изгонять их с береговой линии» [Van Dooren, 2014].

Эта история вымирания напрямую противоречит распространенному убеждению о том, что ландшафты лишены истории, пока человек не наделит их смыслом, что птицы не имеют дома, в который

они могли бы стремиться вернуться и который могли бы вспоминать. Австралийские пингвины, подобно множеству других нечеловеческих видов, демонстрируют привязанность к месту своего обитания и гнездования — конкретному месту. Как подчеркивает Донна Харауэй, пингвины Ван Дорена через свои жизненные практики придают местам иной, неантропоцентричный, природо-культурный смысл: «Утверждение реальности и яркой самобытности мест, о которых рассказывают пингвины, — это главное материально-семиотическое достижение» [Харауэй, 2020]. Несмотря на это «достижение», конец истории трагичен. Пингвины оказываются гостями в своем собственном доме, Чужаками на освоенной и осмысленной людьми территории. Ван Дорен показывает, как ярлык «гостя», применяемый к возвращающимся домой пингвинам, функционирует как машина стирания прошлого и утверждения прекарного будущего. Такое отношение, как отмечает автор, сближает судьбу пингвинов с судьбой коренного населения Австралии, которое также было объявлено «гостем» на родной земле и которому было отказано в собственной истории и праве на возвращение.

Пингвины лишаются возможности вернуться в свои норы и оставить потомство, что ставит их на грань вымирания. Однако гибель угрожает им не только потому, что места их гнездования заняты красивыми домами с высокими заборами, но и потому, что антропоцентричная система лишает их воспоминаний об этой утрате. В другой главе, посвященной гавайским воронам (*Corvus hawaiiensis*), Ван Дорен показывает: оплакивать утрату дома, сородичей и привычного образа жизни способны не только люди — птицы также помнят о потере социального единства. Харауэй, прибегая к лингвистической игре, показывает, что вспоминать (англ. *to remember*) прошлое, наделяя его смыслом, — это также, буквально, вос-соединяться (англ. *to re-member*) с членами своей группы. Она подчеркивает, что скорбь об утрате — это активный процесс восстановления: «Вос-поминать, со-вспоминать — значит активно воспроизводить, возрождать, возвращать, восстанавливать (*To re-member, to com-memorate, is actively to reprise, revive, retake, recuperate*)» [Харауэй, 2020]. Пингвины, тоскуя об утраченном доме и храня о нем память, стремятся вернуться на свои прежние места обитания. Однако сама возможность воспоминания, восстановления и возвращения требует — ввиду ее заведомой обреченности — слепой веры в оправданность ожиданий, доверия Другому. Именно этот урок мог бы усвоить для себя Одиссей, если бы обратился к птицам.

Заключение

Классические социальные теории города, сосредоточенные на фигуре Чужака и его дуальной позиции — расположенностью между «вне» и «внутри», оказываются продуктивными для осмысления

не только человеческих отношений, но и нашего соседства с нечеловеческими животными — в частности, с птицами. Более того, обращение к «птичьим» фигурам позволяет не просто расширить, но и пересмотреть саму идею Чужака и родственные ей концепции. Поведение птиц — их взгляд, ритмы, упрямая верность месту, практики скорби и восстановления — представляет собой альтернативу антропоцентрическому городскому образу жизни. Подобная перспектива ставит под сомнение традиционную оптику городских исследований, открывая возможность увидеть город как пространство многовидового соседства. В свою очередь, классические городские практики анализа, движения и критики также обнаруживают альтернативные формы: ожидание, бердинг, сонастройка с птичьими ритмами, сопротивление разрушению мест обитания и другие. Все они становятся безопасными способами встречи с Другим, позволяющими обнаружить инаковость в самом себе.

Представленные в статье рассуждения о птицах помогают не только заново увидеть этих прекрасных созданий рядом с нами, но также удержаться от соблазна поместить их в золотые клетки наших антропоцентричных классификаций. В мире, где взгляд голубя вызывает страх и отвращение, сапсанов в голубом небе становится меньше, а пингвины не могут вернуться домой, особенно важно начать искать иной тип многовидовой этики и урбанистики, основанный на осмысленном ожидании, открытом взгляде и безосновательном доверии. Такая этика может начинаться с признания, что городское пространство никогда не было исключительно человеческим, что пути исследования и понимания города должны включать концептуальные фигуры птиц. В свою очередь, практики наблюдения за птицами, поиска, внимательного к ним отношения, сонастройки и заботы способны трансформировать наше отношение к городскому разнообразию. В конечном счете наше отношение к птицам отражает нашу способность выстраивать этическое взаимодействие с другими людьми, нечеловеческими животными, с планетой в целом.

Источники

- Агамбен, Дж. (2012). *Открытое*. Москва: РГГУ.
- Башляр, Г. (2020). *Поэтика пространства*. Москва: Ad Marginem.
- Бейкер, Дж. А. (2025). *Сапсан*. Москва: Individuum; Эксмо.
- Беккет, С. (2010). *В ожидании Годо*. Москва: Текст.
- Беньямин, В. (2015). *Бодлер*. Москва: Ad Marginem.
- Бодлер, Ш. (1986). Поэт современной жизни. В Ш. Бодлер, Об искусстве (с. 283–315). Москва: Искусство.
- Видлер, Э. (2025). *Архитектурное жуткое: Опыты о современной бесприютности*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Вирт, Л. (2005). Урбанизм как образ жизни. В Л. Вирт, Избранные работы по социологии (с. 93–118). Москва: Институт социологии РАН.
- Дебор, Г.-Э. (2017). *Психогеография*. Москва: Ad Marginem Press.
- Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство. Социологический этюд*. Москва: Мысль.
- Зиммель, Г. (2008). Экскурс о чужаке. В *Социологическая теория: история, современность, перспективы* (с. 333–339). Санкт-Петербург: Владимир Даль.
- Зиммель, Г. (2018). *Большие города и духовная жизнь*. Москва: Strelka Press.
- Зюскинд, П. (2022). *Голубка. Три истории и одно наблюдение*. Санкт-Петербург: Азбука.
- Маклир, К. (2020). *Птицы, искусство, жизнь: год наблюдений*. Москва: Ad Marginem.
- Парк, Р.Э. (1998). Человеческая миграция и маргинальный человек. Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. *Социология*, (3), 167–176.
- По, Э. (1976). Человек толпы. В *Собрание сочинений: в 2 т.* (Т. 2, с. 345–358). Москва: Художественная литература.
- Фуко, М. (1994). *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-скад.
- Шютц, А. (2003). Возвращающийся домой. В *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* (с. 207–222). Москва: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Харауэй, Д. (2020). *Оставаясь со смутой. Заводить сорочек в Хтулуцене*. Москва: Hyle Press.
- Bauman, Z. (2019). *Modernity and Ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Brenner, N. (2014). Introduction: Urban theory without an outside. In N. Brenner (Ed.), *Implosions/explosions: Towards a study of planetary urbanization* (pp. 14–36). Berlin: jovis Verlag.
- Devokaitis, M. (2024). A third of American adults are birdwatchers, according to nationwide survey. *All About Birds*. <https://www.allaboutbirds.org/news/a-third-of-american-adults-are-birdwatchers-according-to-nationwide-survey/>.
- Lefebvre, H. (2004). *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. London: Bloomsbury Academic.
- van Dooren, T. (2014). *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*. New York: Columbia University Press.

BIRDS IN THE CITY: ARRIVING TODAY, STAYING TOMORROW

Marat R. Nevlyutov, PhD in Architecture, MA in Sociology; Associate Professor, Moscow Architectural School (MARCH); Senior Researcher, Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), Branch of the Federal State Budgetary Institution "Central Research and Design Institute of the Ministry of Construction of Russia" (TSNIIP Minstroy of Russia); Moscow, Russian Federation. E-mail: mnevlyutov@gmail.com

This article proposes a synthesis of urban theory and the humanities-oriented study of animals through a revision of the concept of the Stranger. The first part of the article draws on the classical sociological interpretations of the Stranger (Georg Simmel, Robert Park, Alfred Schütz) and practices of urban observation (pursuit, flânerie, dérive), showing how the duality of being positioned "outside" and "inside" characterizes the relations that take shape between people in the metropolis. This ambivalence generates indifference, fear, and hatred, but offers new forms of attentiveness, critical vision, and trust. In the second part, this analytical framework is applied to birds as non-human inhabitants of the city. The consideration of examples from essays and scholarly research, in which birds appear as the Stranger (from the pigeon in Patrick Süskind's novella *The Pigeon* to the little penguins in Sydney Harbour in Thom van Dooren's work *Flight Ways: Life and Loss at the Edge of Extinction*), reveals the limitations of an anthropocentric view of the relations among the inhabitants of large cities. The article introduces into urban discourse the phenomena of ornithophobia, birding, and habitat loss, showing how birds' gazes, alternative avian rhythms, and their capacity for remembering and reconnecting problematize human exceptionalism and point to the need for an ethics of multi-species coexistence in cities.

Keywords: stranger; ornithophobia; anthropocentrism; multi-species ethics; habitat loss; Georg Simmel

Citation: Nevlyutov, M. (2026). Birds in the City: Arriving Today, Staying Tomorrow. *Urban Studies and Practices*, 11(2), 14–22. <https://doi.org/10.17323/usp112202614-22>

References

- Agamben, G. (2012). *Otkrytoye* [The open]. Moscow: RGGU (in Russian).
- Bachelard, G. (2020). *Poetika prostanstva* [The poetics of space]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Baker, J.A. [Bejker Dzh. A.] (2025). *Sapsan* [The peregrine]. Moscow: Individuum; Eksmo (in Russian).
- Baudelaire, Ch. (1986). *Poet sovremennoy zhizni* [The painter of modern life]. In Ch. Baudelaire, *Ob iskusstve* [On art] (pp. 283–315). Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Bauman, Z. (2019). *Modernity and ambivalence*. Cambridge: Polity Press.
- Beckett, S. (2010). *V ozhidanii Godo* [Waiting for Godot]. Moscow: Tekst (in Russian).
- Benjamin, W. (2015). *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Brenner, N. (2014). Introduction: Urban theory without an outside. In N. Brenner (Ed.), *Implosions / explosions: Towards a study of planetary urbanization* (pp. 14–36). Berlin: jovis Verlag.
- Debord, G.-E. (2017). *Psikhogeografiya* [Psychogeography]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Devokaitis, M. (2024). A third of American adults are birdwatchers, according to nationwide survey. *All About Birds*. <https://www.allaboutbirds.org/news/a-third-of-american-adults-are-birdwatchers-according-to-nationwide-survey/>
- Durkheim, E. (1994). *Samoubiystvo. A Study in Sociology*. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Foucault, M. (1994). *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: An archaeology of the human sciences]. St. Petersburg: A-cad (in Russian).
- Haraway, D. (2020). *Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene]. Moscow: Hyle Press (in Russian).
- Lefebvre, H. (2004). *Rhythmanalysis: Space, time and everyday life*. London: Bloomsbury Academic.
- Maclear, K. (2020). *Ptitsy, iskustvo, zhizn': god nablyudeniy* [Birds, art, life: A year of observation]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).
- Park, R.E. (1998). *Chelovecheskaya migratsiya i marginal'nyy chelovek* [Human migration and the marginal man]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Seriya 11. Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Series 11. Sociology], (3), 167–176 (in Russian).
- Poe, E.A. (1976). *Chelovek tolpy* [The man of the crowd]. In *Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Collected works: In 2 vols.] (Vol. 2, pp. 345–358). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Schutz, A. (2003). *Vozvrashchayushchiysya domoy* [The homemaker]. In *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The meaningful structure of the everyday world: Essays in phenomenological sociology] (pp. 207–222). Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoye mneniye" (in Russian).
- Simmel, G. (2008). *Ekskurs o chuzhake* [Excursus on the stranger]. In *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Sociological theory: History, modernity, prospects] (pp. 333–339). St. Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Simmel, G. (2018). *Bol'shiye goroda i dukhovnaya zhizn'* [The metropolis and mental life]. Moscow: Strelka Press (in Russian).
- Süskind, P. (2022). *Golubka. Tri istorii i odno nablyudenie* [The pigeon. Three stories and one observation]. St. Petersburg: Azbuka (in Russian).
- van Dooren, T. (2014). *Flight ways: Life and loss at the edge of extinction*. New York: Columbia University Press.
- Vidler, E. (2025). *Arkhitekturnoye zhutkoye: Opyty o sovremennoy bespriyutnosti* [The architectural uncanny: Essays on the modern unhomely]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (in Russian).
- Wirth, L. (2005). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. In L. Wirth, *Izbrannyye raboty po sotsiologii* [Selected works in sociology] (pp. 93–118). Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).